

О.В.ТЕРЕЩЕНКО, М.Х.ТИТМА

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОХОДОВ В КОГОРТЕ
ТРИДЦАТИЛЕТНИХ**

Терещенко Ольга Викентовна — сотрудник факультета социологии Белорусского государственного университета. Адрес: 220050 Белоруссия, Минск, ул. Карла Маркса 31, тел. (0172) 272-90-69.

Титма Микк Харриевич — доктор философских наук, преподаватель Стэнфордского университета, США.

Адрес: 220050 Белоруссия, Минск, ул. Карла Маркса 31, тел. (0172) 272-90-69.

С началом рыночных преобразований в постсоветских государствах возникло новое социальное расслоение. Одно из наиболее ранних и очевидных его проявлений — расслоение по доходам. Уровень доходов индивида более, чем когда-либо прежде, стал определяться его личностными качествами: инициативностью, целеустремленностью, способностью адаптироваться к новым условиям. Возможность получения высоких доходов, особенно в начале переходного периода, для большинства населения оказалась жестко ограниченной рядом объективных и субъективных факторов. К первым относятся особенности общей социально-экономической ситуации (экономический и финансовый кризис, ограничения территориальной мобильности, неразвитость рынка труда); ко вторым — факторы, которые Л.А.Гордон определил как общественно-коллективную конкурентоспособность (рыночный потенциал предприятий, отраслей, регионов, сфер экономики) и потенциал работника на рынке труда (пол, возраст, уровень и характер образования, положение в системе разделения труда) [2.С.29].

Доход превращается едва ли не в важнейший фактор, определяющий уровень и стиль жизни, в основу усиливающегося социального неравенства. Поэтому изучение факторов, влияющих на доход, представляется не только интересной, но и социально значимой научной проблемой.

Исследовательский подход

В бывшем СССР различия в доходах, особенно по зарплате, между разными группами населения были не слишком велики. Реальное материальное расслоение при общем низком уровне жизни зависело не столько от доходов в денежном выражении, сколько от положения в системе распределения. Государственная система снабжения делила территории и населенные пункты на категории, которые различались не только степенью развитости социальной инфраструктуры, но и ассортиментом, количеством и качеством поставляемых товаров и ценами на них. Материальное положение отраслей народного хозяйства зависело от бюджетных "вливаний" в отраслевые министерства и от ресурсов, находящихся в их распоряжении. Эти факторы также определяли не столько более высокие доходы, сколько дополнительные социальные блага, которые ведомства могли предложить своим работникам. Таким образом, социальное неравенство в бывшем Советском Союзе

помимо доходов в значительной степени порождалось такими факторами, как сфера занятости и место жительства.

Переход к рынку означает радикальную перестройку сферы труда и всей экономики. Прежняя система неравенства заменяется другой, при которой рынок устанавливает цену рабочей силы и дифференцирует доходы населения, а индивидуальная предприимчивость начинает играть важную роль.

С усилением дифференциации доходов и превращением ее в один из главных факторов социального расслоения общества интерес к рассматриваемой теме возрос. В научных публикациях обсуждаются масштабы и характер расслоения (включая различия в доходах отдельных социально-демографических групп), его социальные, психологические, политические последствия. Социологи широко используют категории "бедные", "богатые", "средний класс", определяют источники и способы формирования этих социальных групп, границы их доходов, особенности поведения, ценностные ориентации, трудовую мотивацию [2-4].

Цель нашего исследования — объяснить, как возникает неравенство в доходах, или, более строго, как совместное воздействие социально-демографических факторов влияет на вероятность попадания в верхнюю или нижнюю часть распределения по доходам. В своей работе мы использовали данные третьего этапа международного лонгитюдного проекта "Пути поколения"¹, полученные в сентябре 1992 года.

Объектом проекта "Пути поколения" является когорта, получившая среднее образование в 1983 году; в момент опроса респондентам исполнилось 27-28 лет. Это не позволяет рассматривать такой важный предиктор уровня доходов, как возраст, и ограничивает рамки полученных результатов одним поколением, поскольку в других возрастных группах расслоение может иметь другие закономерности.

Тем не менее поколение, которое далее будем называть "тридцатилетние", — одно из самых интересных для изучения. Это возраст наибольшей социальной активности и социальной мобильности. Тридцатилетние — главный двигатель преобразований "снизу", поскольку они наиболее готовы использовать возможности, которые открывает рынок. К началу рыночных преобразований они, как правило, завершили образование и получили некоторый профессиональный опыт, но не успели занять в системе труда стабильное и престижное положение. Поэтому им легче, чем людям старших возрастов, переориентироваться на рынок и добиться успеха в новых условиях. По этой причине молодым отдают предпочтение новые экономические структуры. Т.И.Заславская отмечала, что в 1993 году среди высокооплачиваемых работников молодых людей до 30 лет было в полтора раза больше, чем представителей старших возрастов [3, с.11].

Что касается двадцатилетних, то для них в большей мере, чем для тридцатилетних, ограничены возможности социальных переходов, и часто вообще не находится достойного места, что приводит выпускников учебных заведений на биржу труда.

Хотя поколение тридцатилетних имеет высокие шансы добиться социального успеха, индикатором которого в нашем исследовании является доход, отдельные представители этой

---

¹ Проект начат в ряде регионов бывшего СССР в 1983 году под руководством профессора М.Х. Титмы [5].

когорты не могут их реализовать и остаются далеко за "чертой бедности". По-видимому, процесс социального расслоения, в том числе по доходам, протекает в данной возрастной группе острее, чем в других. Одновозрастная выборка, при всех ее недостатках, позволяет более глубоко изучить влияние других социально-демографических факторов на уровень дохода, статистически контролируя эффекты их взаимодействия.

Проект осуществляется в нескольких регионах бывшего Советского Союза, что сделало возможным сравнительное исследование расслоения когорты по доходам. Сравнительный анализ предъявляет высокие требования к однородности данных, поэтому мы выбрали Эстонию, Латвию, Литву и Белоруссию, которые имели перед распадом СССР близкий уровень социально-экономического развития. В начале переходного периода экономическая политика и скорость преобразований в них заметно различались. Поэтому мы используем результаты сравнительного анализа для выявления общих закономерностей процесса расслоения и его специфических особенностей в отдельных государствах.

Распределение личных доходов осенью 1992 года представлено в таблице 1. Респонденты поделены на пять групп, соответствующих квинтилям дохода, для каждой группы приведена доля ее суммарного дохода в суммарном доходе всей выборки.

Таблица 1

Распределение личных доходов в сентябре 1992 года

Страна	Квинтили общего дохода, %				
	первый	второй	третий	четвертый	пятый
Эстония	4	7	11	16	62
Латвия	2	5	8	11	74
Литва	2	4	7	11	76
Белоруссия	3	7	11	18	61

В то время как доход 80% респондентов дифференцирован слабо и в разных странах составляет от 24% до 39%, представители верхнего, пятого квинтиля получили от 61% до 76% суммарного дохода. Разница в доходах наиболее обеспеченных и всех остальных намного выше, чем в развитых странах с рыночной экономикой (например, в США пятая часть граждан получает около 40% всех доходов), и свидетельствует скорее о глубине переживаемого кризиса, чем об успешности рыночных реформ.

Для определения времени возникновения столь сильных различий в доходах рассмотрим динамику децильного коэффициента (отношение границ верхнего и нижнего децилей распределения дохода). В таблице 2 содержатся значения этого коэффициента² по нашей выборке начиная с 1988 года, когда большинство представителей когорты закончило образование и начало трудовую карьеру.

² Для периодов, предшествующих 1992 году, мы располагаем сведениями не о совокупном доходе респондентов, а их зарплате на основной и дополнительной работе. Поэтому все расчеты для 1988-1991 годов несколько занижены. Однако с учетом того, что возможности получения доходов помимо основной работы и совместительства в советском обществе были весьма ограничены, ошибка не слишком велика.

Таблица 2

Динамика децильного коэффициента дифференциации доходов

Год	Страны			
	Эстония	Латвия	Литва	Белоруссия
1988	3.9	3.3	2.9	2.8
1989*	4.4	3.9	4.1	3.0
1990*	4.4	4.0	4.8	3.0
1991*	8.3	8.2	4.8	7.0
Сентябрь 1992	8.3	10.0	12.2	10.0

* Данные на конец года.

Как следует из табл. 2, резкое увеличение различий в доходах произошло в указанных странах почти одновременно (на рубеже 1991-1992 годов), масштабы этого процесса в разных странах сопоставимы (что подтверждают и данные табл. 1). На наш взгляд, это свидетельство того, что по крайней мере на раннем этапе преобразований расслоение по доходам определялось не столько конкретной политикой государств, сколько общей экономической ситуацией. Экономический кризис определил низкий уровень доходов и их низкую дифференцированность у 80% представителей когорты. В то же время либерализация экономического законодательства и хаос, возникший в результате разрыва экономических связей, позволили наиболее предприимчивым молодым людям быстро достигнуть уровня доходов, многократно превышающего доходы большинства.

Проанализируем характер этого расслоения: кто именно получил в кризисных условиях переходного периода возможность быстрого обогащения, а кто имел минимальные шансы выбиться из нищеты. Таким образом, задача нашего исследования — определить вероятность попадания в высоко- или низкодородный слой в зависимости от совместного воздействия важнейших социально-демографических признаков: пола, национальности, места жительства, образования, должностного статуса, положения на рынке труда, сферы занятости.

Для решения этой задачи и проверки ряда гипотез была построена мультиномиальная логистическая модель. В качестве зависимой переменной использовалась порядковая шкала уровня дохода, основанная на квинтилях распределения доходов в их денежном исчислении. Такой подход позволяет сравнивать доходы, полученные в разных странах, в разных валютах и в разное время. Даже в условиях галопирующей инфляции и смены национальных валют можно определить, к какому квинтилю дохода принадлежит конкретный респондент и как изменилось его положение с течением времени. Использование квинтилей вместо доходов в их номинальном выражении позволяет устранить влияние на модель асимметричности распределения и экстремальных случаев — сверхвысоких доходов.

Гипотезы исследования

Гипотезы, которые мы хотели бы проверить, имеют различную направленность. Одни сформулированы на основе социологических теорий рыночного общества — это гипотезы об аскриптивных факторах, определяющих социальное неравенство (пол, национальность), и факторах человеческого капитала (образование, должностной статус). По результатам проверки мы

намерены судить о том, насколько далеко рассматриваемые страны продвинулись по пути маркетизации. Другие касаются факторов личной адаптированности к условиям переходного периода (положение на рынке труда, вторичная занятость, сектор экономики).³ Они могут выявить модели успешного и неуспешного адаптивного поведения. Наконец, виднута гипотеза о факторах общественно-коллективной конкурентоспособности (тип поселения, отрасль экономики), в значительной мере определявших социальное неравенство в условиях плановой экономики. Их проверка позволит выявить, как далеко названные страны "ушли" от социалистической экономики.

Некоторые гипотезы достаточно очевидны (например, о дифференцирующем влиянии на доход пола или типа поселения), однако их проверка в многомерной причинной модели, во-первых, обеспечивает ее полноту, во-вторых, позволяет учесть взаимодействие предикторов и рассмотреть связь каждого из них с доходом в "очищенном" от опосредующего влияния других переменных виде.

Пол — один из главных факторов, влияющих на уровень личного дохода или, в терминах нашей модели, на вероятность принадлежать к высоко- или низкодоходному слою возрастной когорты. Известно, что и в советское время зарплата женщин в среднем была ниже зарплаты мужчин; представительство женщин в высокодоходных слоях было непропорционально низким, а в низкодоходных — непропорционально высоким, по сравнению с мужчинами. В переходный период, когда возникает реальная конкуренция за рабочие места, женщины оказываются социально менее защищенными, чем мужчины, и различия между ними в доходах еще более усиливаются. Это предположение составляет нашу первую гипотезу.

Гипотеза 1. В условиях перехода к рыночной экономике дифференциация доходов по полу усиливается.

Широко распространено мнение о дискриминации русскоязычного населения в странах Балтии (для Белоруссии эта проблема не характерна). Если такая дискриминация существует, некоренные жители этих стран должны оказаться неконкурентоспособными на рынке труда, что отразится на их высоком представительстве в низкодоходном и низком представительстве в высокодоходном слоях когорты.

Гипотеза 2. Уровень доходов лиц некоренной национальности в странах Балтии ниже по сравнению с доходами лиц коренной национальности; в Белоруссии существенной разницы в уровне доходов нет.

Согласно теории, в условиях рыночной экономики доходы занятых существенно зависят от инвестиций в человеческий капитал [6], мерой которого в нашем исследовании являются образование и социально-профессиональный статус, аккумулирующий, помимо образовательного уровня, профессиональный опыт и квалификацию. В советском обществе не только квалифицированные рабочие, но и занятые на тяжелых

---

³ Сектор экономики условно включен в факторы адаптации, так как наше исследование относится к раннему периоду реформ, до начала приватизации крупных и средних предприятий. Частный сектор только создавался усилиями наиболее предприимчивых граждан, проявивших максимальную способность адаптации к новым условиям.

неквалифицированных работах часто имели более высокую зарплату, чем специалисты с высшим образованием. Мы ожидаем, что с переходом к рынку и установлением рыночной оценки рабочей силы ценность образовательного потенциала и квалификации работника возрастет, что отразится на его доходах. Это приводит к двум следующим гипотезам.

Гипотеза 3. При переходе к рынку возникает прямая зависимость уровня доходов от уровня образования: лица с высоким уровнем образования получают более высокие доходы.

Гипотеза 4. При переходе к рынку меняется зависимость доходов от должностного статуса: относительная стоимость интеллектуального труда возрастает, ручного труда — снижается.

Маркетизация привела к созданию рынка труда и распространению новых форм занятости, характерных для рыночной экономики (неполный рабочий день/неделя, работа по контракту), а также безработицы. Полагаем, что на ранних этапах переходного периода такие формы экономического поведения, как неполная занятость и временная работа, служат показателем неадаптированности к новым реалиям, стратегией выживания и не приводят к высоким доходам. Вероятно, доходы неработающих (в том числе женщин, воспитывающих детей) окажутся минимальными. Получившая широкое распространение вторичная занятость, напротив, должна способствовать повышению уровня доходов. Эти предположения позволяют сформулировать еще две гипотезы.

Гипотеза 5. Отсутствие работы, временная работа и неполная занятость приводят к более низкому уровню доходов, чем постоянная работа с полным рабочим днем.

Гипотеза 6. Дополнительные заработки повышают шансы на попадание в высокодоходный слой.

В странах с рыночной экономикой занятые в частном секторе имеют, как правило, более высокие доходы, чем занятые в государственном секторе. По-видимому, с началом рыночных преобразований эта тенденция должна проявиться и в наших странах: реальная конкуренция работодателей за высококвалифицированную рабочую силу и сопутствующий ей рыночный подход к оценке стоимости труда, особенно высокопрофессионального и интеллектуального, возникнут прежде всего в частном секторе экономики. Предполагаем также, что на первых этапах переходного периода государство в состоянии обеспечить прожиточный минимум для занятых в бюджетном секторе и что в наихудшем положении оказались хозрасчетные государственные предприятия, на которых финансовый кризис и разрыв экономических связей отразились сильнее всего.

Гипотеза 7. Работа в частном секторе приносит более высокие, а в хозрасчетном — более низкие доходы, чем в бюджетном секторе экономики.

В сельской местности рыночные отношения развиваются медленнее и труднее, чем в городах. Наверное, это должно сказаться на более низком уровне доходов сельского населения. Быстрее и успешнее всего реформы идут в столицах, где больше возможностей для дополнительных заработков. Поэтому столичные жители должны иметь самые высокие доходы.

Гипотеза 8. Сельские жители шире представлены в низкодоходной, а жители столиц — в высокодоходной части когорты.

Предполагаем, что в переходный период в более тяжелом

положении должны оказаться отрасли, традиционно финансируемые из бюджета по "остаточному" принципу — медицина, образование, наука, культура; тяжелая промышленность, ориентированная на распавшийся союзный рынок, энерго- и ресурсоемкая, зависящая от большого числа поставщиков; сельское хозяйство, которое после открытия рынка для западных продуктов оказалось неконкурентоспособным. Напротив, легкая и пищевая промышленность, сильнее ориентированные на внутренний рынок, государственный аппарат и обслуживающие государство отрасли финансов и коммуникаций должны сохранять относительное благополучие.

Гипотеза 9. Уровень доходов зависит от отрасли экономики: занятые в местной промышленности, а также в госаппарате, финансовой сфере получают более высокие доходы, чем занятые в тяжелой промышленности, сельском хозяйстве, гуманитарных отраслях.

Данные

Выборка лонгитюдного проекта "Пути поколения" в каждом регионе стратифицирована по типам поселений и типам средних учебных заведений и размещена между стратами пропорционально численности выпускников. Она строилась гнездовым способом с применением случайного отбора классов (академических групп) и репрезентативно представляла когорту получивших среднее образование в 1983 году (в школах, ПТУ и техникумах на базе 8 классов). В то время в СССР действовал Закон о всеобщем среднем образовании, поэтому образовательная когорта 1983 года достаточно хорошо представляет возрастную когорту 1964-1966 годов рождения.

Полный объем выборки третьего этапа проекта, данными которого мы пользуемся, составил: в Эстонии — 2115 человек, в Латвии — 1500, в Литве — 1236, в Белоруссии — 1345. Анализируя доходы когорты, мы вынуждены ограничиться данными о респондентах, указавших свой доход: из эстонской выборки в вычислениях использовано 1897 ответов, из латвийской — 1308, из литовской — 948, из белорусской — 944.

На третьем этапе лонгитюда проведено ретроспективное исследование жизненного пути респондентов в формате событийного анализа [7]. При таком подходе жизненный путь рассматривается как хронологическая последовательность событий, представляющих смену статуса или состояния респондента в изучаемых сферах жизни (например, в трудовой биографии). Фиксация даты каждого события позволяет определять значения переменных, описывающих состояние объекта (например, должностной статус или зарплату) для любого промежутка времени. Это дало возможность исследовать процесс расслоения в динамике, а также корректно зафиксировать значения независимых переменных, измерение которых должно предшествовать измерению зависимой переменной во времени.

Показатели, используемые при анализе

Зависимая переменная — уровень доходов — измеряется по шкале порядка, сконструированной на основе квинтилей общего дохода, полученного респондентами в сентябре 1992 года. В соответствии с задачей исследования рассматриваются три уровня дохода: "низкий" — 20% респондентов с самыми низкими доходами; "средний" — 60% респондентов со средним доходом

(объединены три средних квинтиля), "высокий" — 20% респондентов с наиболее высокими доходами.⁴ Респондентам задавался вопрос: "Назовите общую сумму ваших денежных доходов из всех источников за сентябрь 1992 года. Если вы получали их в различной валюте, назовите, сколько в каждой по отдельности". Разрешалось указать до трех валют. Суммарный доход исчислялся в национальной валюте с учетом курса в сентябре 1992 года. Квинтили суммарного дохода рассчитывались для каждой страны отдельно.

Независимые переменные выбирались в соответствии с теоретическими гипотезами. Все они были подвергнуты предварительному анализу, в ходе которого подтвердилось их влияние на уровень дохода, что и определило их окончательное включение в модель.

Пол респондента представлен дихотомической шкалой:

0 — мужской, 1 — женский.

Национальность измерялась по дихотомической шкале:

0 — коренная национальность для данной страны, 1 — другие национальности.

Образование респондентов представлено четырьмя уровнями: общее среднее, ПТУ, среднее специальное, высшее и незаконченное высшее.

*Должностной статус*⁵ включал шесть позиций: руководители (предприятий, организаций и их подразделений), профессионалы (должность предполагает высшее образование), специалисты среднего звена (должность предполагает среднее специальное образование), служащие без специального образования, квалифицированные рабочие (в том числе сельскохозяйственные), неквалифицированные рабочие (в том числе сельскохозяйственные).

Положение на рынке труда определялось по ответам на вопрос: "Назовите свое основное занятие". Исходная шкала содержала 10 пунктов, которые были сгруппированы в пять более крупных: полный рабочий день на постоянной работе, временная работа по контракту, неполный рабочий день (неделя), отпуск по уходу за ребенком, не работает (безработные, домохозяйки, студенты, слушатели курсов переподготовки, инвалиды и т.п.).

Под *вторичной занятостью* подразумевались все виды дополнительных заработков, помимо основной работы. Переменная со значением "1" — для тех, кто такие доходы имеет, и "0" — для тех, кто их не имеет.

Сектор экономики представлен тремя градациями: бюджетный, хозрасчетный, частный.

Тип поселения измерялся по трехбалльной шкале: столица, другие города, сельские населенные пункты.

Шкала *отраслей экономики*, первоначально включавшая 21 пункт, была преобразована следующим образом: сельское хозяйство, промышленность и строительство, легкая и пищевая промышленность, финансы, коммуникации, торговля, государственный аппарат, гуманитарная сфера (образование, наука, культура), медицина, многопрофильная деятельность.

---

4 Аналогичную шкалу применяет ВЦИОМ [8].

5 Должностной статус, сектор и отрасль экономики для работающих респондентов фиксировались по состоянию на август 1992 года, для неработающих — по последнему месту работы.

Метод

Для объяснения расслоения когорты по доходам мы применили причинно-следственное моделирование методом мультиномиальной логистической регрессии [9], позволяющим корректно работать с порядковой зависимой переменной. Регрессионные модели оценивают влияние предикторов на зависимую переменную с учетом того, что влияние некоторых независимых переменных может быть отчасти опосредовано другими.

Если зависимая переменная имеет y_i+1 значение (y_0, y_1-y_i) и значение y_0 выбрано в качестве референтного, то согласно мультиномиальной логистической модели логарифм отношения вероятности выбора значения y_i к вероятности выбора референтного значения y_0 для i -ого объекта есть линейная функция K независимых переменных $x_1...x_k$:

$$\ln(P_{ij}/P_{0i}) = b_{i0} + b_{i1}X_{i1} + b_{i2}X_{i2} + \dots + b_{ik}x = x'_i b_i \quad (1)$$

Из чего следует, что вероятность значения y_i для объекта i равна: $p_{ii} = e^{x'_i b_i} / \sum_1 e^{x'_i b_i}$, $j, l = 0, J$.

Модель (1), включающая $J(K+1)$ коэффициентов b_{jk} оценивается методом максимального правдоподобия. Результаты оформляют в виде таблицы, где каждой независимой переменной соответствуют J коэффициентов — по одному для всех значений зависимой переменной, кроме референтного.

Модели, построенные для четырех стран, представлены ниже. В качестве референтной категории зависимой переменной используется средний уровень доходов, вероятность попасть в слой с минимальными или максимальными доходами оценивается по сравнению с вероятностью попасть в центр распределения. Первый коэффициент для каждой независимой переменной представляет собой ее эффект на логарифм отношения вероятностей попадания в квинтиль с минимальными доходами, второй — в квинтиль с максимальными доходами по сравнению с центром распределения.

Все независимые переменные использовались в моделях как номинальные, к ним применялось индикаторное (dummy) кодирование [10]. При этой технике одно из значений переменной объявляется референтным: оно не вносит своего вклада в отношение вероятностей, в то время как вклад остальных значений оценивается по сравнению с ним.

В качестве "референтных" значений независимых переменных были выбраны: мужской пол, принадлежность к коренной национальности, проживание в нестоличном городе, общее среднее образование, работа полный день, квалифицированным рабочим, на промышленном хозрасчетном предприятии, отсутствие дополнительных заработков.

Результаты моделирования

Результаты моделирования представлены в таблицах 3 и 4.

Каждая модель строилась гнездовым (nested) методом, по принципу последовательного усложнения. Независимые переменные добавлялись в модель по одной, что позволяло оценить вклад каждой из них при объяснении различий в доходах.

Таблица 3

Вклад независимых переменных в объяснение уровня доходов

Шаг	Предикторы	Эстония	Латвия	Литва	Белоруссия
1	пол	R ² =.069 p=.000	R ² =.054 p=.000	R ² =.077 p=.000	R ² =.040 p=.000
2	националь ность	R ² =.070 p=.126	R ² =.055 p=.506	R ² =.080 p=.060	R ² =.042 p=.155
3	тип поселе ния	R ² =.087 p=.000	R ² =.066 p=.000	R ² =.098 p=.000	R ² =.066 p=.000
4	полученное образование	R ² =.092 p=.003	R ² =.077 p=.000	R ² =.105 p=.060	R ² =.071 p=.160
5	положение на рынке труда	R ² =.172 p=.000	R ² =.119 p=.000	R ² =.137 p=.000	R ² =.099 p=.000
6	должност- ной статус	R ² =.179 p=.003	R ² =.133 p=.000	R ² =.152 p=.001	R ² =.106 p=.260
7	сектор экономики	R ² =.186 p=.000	R ² =.140 p=.002	R ² =.156 p=.144	R ² =.108 p=.436
8	отрасль народного хозяйства	R ² =.194 p=.010	R ² =.150 p=.023	R ² =.164 p=.350	R ² =.129 p=.000
9	вторичная занятость	R ² =.198 p=.001	R ² =.152 p=.098	R ² =.172 p=.000	R ² =.135 p=.005

В таблице 3 для каждого шага приведены значения "псевдо-R²", аналога коэффициента множественной корреляции, измеряющего тесноту связи между зависимой переменной и всеми предикторами, включенными в модель к этому моменту, и р-значение для проверки гипотезы о том, что добавление рассматриваемой независимой переменной статистически значительно улучшило объясняющую способность модели.

Вклад независимой переменной в модель статистически значим на уровне α , если $p < \alpha$, где α обычно выбирают из значений .01, .05, .1. В модели, построенной для Эстонии, высокую статистическую значимость ($p < .01$) имеют все предикторы, кроме национальности ($p = .126$). В модели для Латвии национальность также не является статистически значимым предиктором, а вторичная занятость и отрасль народного хозяйства имеют низкий уровень значимости. В модели для Литвы статистически не значимы вклады сектора экономики и отрасли народного хозяйства, национальность и образовательный уровень имеют низкую значимость. Для Белоруссии высокой способностью объяснять различия в доходах обладают пол, тип поселения, положение на рынке труда, отрасль народного хозяйства и вторичная занятость.

Общая объясняющая способность модели характеризуется значением псевдо-R². В Эстонии она составляет около 20% всех различий в доходах когорты, в Литве — 15%, в Латвии — 17%, в Белоруссии — 14%, что соответствует обычному уровню объяснения в эмпирических исследованиях.

По разности между коэффициентами множественной корреляции для последовательных шагов модели можно судить об объясняющей способности добавленной переменной. Так, во всех странах главными предикторами дохода являются пол, объясняющий от 4% всех различий в доходах когорты в

Белоруссии до 8% в Литве, и положение на рынке труда: его вклад минимален в белорусской модели ($9.9\% - 7.1\% = 2.8\%$) и максимален в эстонской ($17.2\% - 9.2\% = 8\%$), а также тип поселения, дополнительный вклад которого составляет от 1% до 2.5%. Для Латвии заметные вклады имеют также профессиональный статус и образовательный уровень; для Литвы — профессиональный статус, для Белоруссии — отрасль народного хозяйства.

Коэффициенты логистической регрессии, позволяющие судить о влиянии каждого уровня предикторов на вероятность попасть в верхнюю или нижнюю часть распределения по доходам, приведены в таблице 4. Они интерпретируются подобно обычным коэффициентам множественной регрессии: положительные коэффициенты при значениях предикторов, отличающихся от референтных, повышают вероятность попадания на соответствующий край распределения, отрицательные — уменьшают ее. Константа равна логарифму отношения вероятностей попасть в один из крайних квинтилей или в центр распределения для респондента с референтными характеристиками.

Обсуждение результатов

Построенные нами для четырех стран модели (см. табл. 4) позволяют не только определить степень влияния различных факторов на уровень доходов, но и проверить теоретические гипотезы о характере этого влияния. Рассмотрим их подробнее.

Пол — один из важнейших факторов, дифференцирующих доходы. Во всех четырех странах принадлежность к женскому полу с высокой статистической значимостью повышает вероятность попадания в слой с минимальным доходом и, за исключением Белоруссии, снижает вероятность попадания в высокодоходный слой (см. табл. 4).

Заметим, что высокие (и статистически значимые) показатели логистических коэффициентов для пола получены в моделях, которые учитывают "опосредующее" влияние на доход таких переменных, как образование, профессиональный статус, положение на рынке труда (включая отпуск по уходу за ребенком), отрасль и сектор экономики. Поэтому различия в доходах тридцатилетних мужчин и женщин не могут быть объяснены только структурой занятости, более высоким уровнем безработицы среди женщин и наличием у них маленьких детей.

Тем не менее гипотеза об усилении дифференциации доходов по полу в переходный период на наших данных не подтвердилась. Сравнение распределения доходов мужчин и женщин в сентябре 1992-го и конце 1989-го показало, что их представительство в высоко- и низкодоходной категориях на прежнем уровне: 33-34% мужчин и 9-10% женщин в квинтиле с максимальными доходами, 8-9% мужчин и 28-30% женщин в квинтиле с минимальными доходами.

Возможно, усиление дифференциации доходов по полу проявляется в других возрастных группах или на более поздних этапах маркетизации. Мы намерены вернуться к этой гипотезе после того, как получим данные четвертого этапа проекта в 1997 году.

Гипотеза о низком уровне доходов русскоязычного населения в Балтийских странах отчасти подтвердилась только в Литве. Национальность респондента здесь — статистически

значимый предиктор при $p=0.06$; логистические коэффициенты показывают, что вероятность попасть в слой с низким доходом для некоренных жителей этой страны повышается.

Впрочем, принадлежность к некоренной национальности не снижает шансов на получение высоких доходов. Взяты вместе, эти два обстоятельства свидетельствуют, на наш взгляд, об односторонней направленности системы социальной защиты, охватывающей преимущественно коренных жителей.

Таблица 4.

Мультиномиальные логистические модели расслоения по доходам для четырех стран

Независимые переменные	Эстония, доход		Латвия, доход		Литва, доход		Белоруссия, доход	
	низкий	высокий	низкий	высокий	низкий	высокий	низкий	высокий
Константа	-1.66***	-.72***	-2.19***	-.83**	-1.62***	-.62*	-2.02***	-1.64***
<i>ПОЛ: мужской</i>								
женский	.45**	-1.25***	.42*	-1.22***	.95***	-1.64***	1.04***	-.30
<i>НАЦИОНАЛЬНОСТЬ коренная</i>								
некоренная	.28	-.04	.10	.10	1.03***	-.06	-.02	.35
<i>ТИП ПОСЕЛЕНИЯ город</i>								
столица	.15	.78***	.07	.49***	-.44	.26	-.37	.61***
село	-.36	-.20	.57***	.24	.89***	-.16	-.50	-.96***
<i>ОБРАЗОВАНИЕ общее среднее</i>								
ПТУ	-.39	-.40*	.51"	-.54**	-.85"	-.83**	-.21	.05
среднее специальное	-.14	-.26	.11	-.46*	-.61'	-.32	-.26	-.06
высшее	-.04	.13	.25	.19	-.74*	-.08	.00	.39
<i>ЗАНЯТОСТЬ: полный день</i>								
по контракту	1.20***	.95***	.85**	1.28***	-.53	.79***	.44	1.42***
неполный день	.92***	-.30	.72**	-.93*	.20	-.39	.56	.16
отпуск по уходу	2.28***	-.05	1.04***	-1.41***	1.01***	-.49	1.09***	-1.03**
не работает	2.13***	.38	1.15***	.04	.98***	1.23***	.99***	.27
<i>ДОЛЖНОСТНОЙ СТАТУС квалифицированный рабочий</i>								
руководители	-.34	.73***	-1.53**	.70**	-1.21	-.42	-1.28	.41
профессионалы	-.56*	.25	.10	-.06	-.53	-.04	-.86**	.19
специалисты	-.24	.39*	-.25	.48*	-.33	.49	.02	.68*
служащие	-.18	.00	.31	.42	-.85**	.31	-.32	-.03
неквалиф. рабочие	-.00	.06	.23	-.23	-.23	-.11	.21	-.04

СЕКТОР ЭКОНОМИКИ <i>государственный хозрасчетный</i>								
бюджетный	<i>-.09</i>	<i>-.02</i>	<i>-.24</i>	<i>-.03</i>	<i>-.28</i>	<i>.07</i>	<i>-.06</i>	<i>.57**</i>
частный	<i>-.67***</i>	<i>.38**</i>	<i>-.11</i>	<i>.40</i>	<i>-.18</i>	<i>.64*</i>	<i>.28</i>	<i>.20</i>
ОТРАСЛЬ ЭКОНОМИКИ <i>промышленность</i>								
сельское хозяйство и строительство	<i>-.03</i>	<i>-.59**</i>	<i>.33</i>	<i>.01</i>	<i>.48</i>	<i>-.71*</i>	<i>1.42***</i>	<i>.55</i>
легкая и пищевая промышленность	<i>.09</i>	<i>-.16</i>	<i>-.16</i>	<i>-.75**</i>	<i>.69*</i>	<i>-.15</i>	<i>-.57</i>	<i>-.18</i>
финансы, коммуникации, услуги	<i>-.13</i>	<i>-.30</i>	<i>.44</i>	<i>.01</i>	<i>.36</i>	<i>-.22</i>	<i>-.05</i>	<i>-.03</i>
гос. аппарат	<i>-.59*</i>	<i>-.29</i>	<i>-.54</i>	<i>-.36</i>	<i>.68</i>	<i>-.68*</i>	<i>.29</i>	<i>.10</i>
образование, наука, культура	<i>-.40</i>	<i>-.96***</i>	<i>-.00</i>	<i>-.38</i>	<i>1.04**</i>	<i>-.18</i>	<i>.35</i>	<i>-.79**</i>
медицина	<i>-.46</i>	<i>-1.49***</i>	<i>-.48</i>	<i>-.61</i>	<i>.42</i>	<i>-.47</i>	<i>.83*</i>	<i>-1.36**</i>
многопрофильная	<i>.59</i>	<i>-.09</i>	<i>-.12</i>	<i>.32</i>	<i>.21</i>	<i>-.13</i>	<i>.88*</i>	<i>-.26</i>
ВТОРИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ <i>нет</i>								
да	<i>-.17</i>	<i>.43***</i>	<i>-.02</i>	<i>.34**</i>	<i>-.18</i>	<i>.68***</i>	<i>.15</i>	<i>.70***</i>

* p<.1

** p<05

***p<.01

Значения переменных, выделенные курсивом, — основа для сравнения.

Мы считали необходимым проверить эту гипотезу, так как изучаемый период совпал с периодом становления национальных государств Балтии, во время которого был введен ряд политических ограничений для некоренных жителей. Местные власти обычно объясняют ухудшение положения крахом сферы экономики, в которой они были заняты, в первую очередь среднего и тяжелого машиностроения (что не подтверждается нашей моделью). Отсутствие зависимости уровня доходов от национальности в рассматриваемой когорте, конечно, не говорит о том, что в Балтийских странах не происходит экономического "вытеснения" некоренного населения в целом. Однако доходы наиболее активной возрастной группы определяются не национальной принадлежностью, а множеством факторов, связанных с экономической эффективностью трудовой деятельности.

Хотя образовательный уровень является статистически значимым предиктором для всех стран Балтии (но не для Белоруссии), гипотеза об установлении рыночной цены образования отчасти подтвердилась только в Литве, где респонденты с высшим или средним специальным образованием имеют лучшие шансы избежать низких доходов. Профессионально-техническое образование помогает жителям Эстонии и Литвы сохранять средний уровень доходов, снижает вероятность попадания как в высоко- так и в низкодоходный слой. В Латвии выпускники ПТУ имеют более низкий уровень доходов, чем лица, окончившие среднюю школу.

Несоответствие полученной картины теоретической гипотезе говорит о недостаточной развитости механизмов рыночной оценки стоимости труда в 1992 году, что объясняется, в частности, высокой долей государственного сектора экономики, где продолжала действовать система оплаты труда, сложившаяся при социализме (в госсекторе на момент исследования работали 85% наших респондентов).

Гипотеза об относительном повышении стоимости интеллектуального труда и относительном обесценивании труда рабочих в значительной степени подтвердилась. Распределение доходов мы оценивали по сравнению с доходами квалифицированных рабочих, которые в 1991 году уступали по этому показателю только руководителям.⁶ Как и следовало ожидать, во всех названных странах доходы руководителей по-прежнему выше, чем доходы рабочих. Новыми являются, во-первых, более высокий, чем у рабочих, уровень доходов специалистов со средним специальным, а в Эстонии и Белоруссии — и с высшим образованием и, во-вторых, отсутствие статистически значимых различий в доходах квалифицированных и неквалифицированных рабочих и служащих без специального образования. Тем самым отход от социалистической системы оплаты труда все же наметился.

Полагаем, понятие должностного или профессионального статуса, которое в отечественной социологии определялось главным образом образованием и содержанием труда, начало приобретать черты социально-экономического статуса, важнейшим компонентом которого, наряду с образованием, является доход [11].

---

⁶ Зарплата руководителей по нашей выборке в среднем была на 15-20% выше.

Как и ожидалось, положение на рынке труда — один из наиболее информативных показателей в наших моделях. Его вклад в объяснение уровня дохода имеет высокую статистическую значимость во всех странах и составляет от 3% в Белоруссии до 8% в Эстонии. Однако его влияние осуществляется по-разному.

Мы предполагали, что новые формы экономического поведения, включая работу по контракту и безработицу, на ранних этапах перехода к рынку являются средством выживания и не обеспечивают высоких доходов. Эта гипотеза полностью не подтвердилась нигде. Только неработающие матери имеют во всех странах значительно более низкие доходы, чем занятые полный день. Занятые частично имеют более низкий уровень доходов в Эстонии и Латвии, а в Литве и Белоруссии разница между их доходами и доходами занятых полный день не является статистически значимой. В двух последних странах работа по контракту ведет к более высоким доходам, чем постоянная работа. В Эстонии и Латвии эта форма занятости либо не позволяет получать доходы выше минимальных (и тогда это стратегия выживания), либо обеспечивает высокий уровень доходов (тогда ее можно рассматривать как экономически эффективную форму труда по найму, широко распространенную в странах с рыночной экономикой).

В Литве подобным эффектом обладает статус безработного. Уже в начале переходного периода зафиксирован феномен, получивший в дальнейшем широкое распространение во всех постсоветских странах: "случайные" заработки безработных приносят нередко значительно более высокие доходы, чем зарплата тех, кто трудится полный день. Такую "самозанятость" безработных, связанную чаще всего с торговлей и сферой услуг, можно рассматривать как начало предпринимательской деятельности и как вариант социальной мобильности.

Полученная пестрая картина обусловлена, на наш взгляд, утратой связи между количеством и качеством труда и его оплатой. При наличии экономического кризиса и скрытой безработицы труд может адекватно (и даже неадекватно высоко) оплачиваться только в экономически эффективных отраслях, где делаются "живые" и "быстрые" деньги.

Гипотеза о том, что вторичная занятость существенно повышает вероятность получения высоких доходов и, следовательно, служит хорошим показателем адаптированности к новым условиям, полностью подтвердилась во всех странах. В настоящее время дополнительная работа не по специальности рассматривается как первый шаг к профессиональной мобильности, поскольку "часто дает больше дохода, чем основная, и со временем становится основным занятием" [4, с.28].

Гипотеза о высоком уровне доходов в частном секторе экономики и низком их уровне в хозрасчетном секторе, по сравнению с бюджетным, убедительного подтверждения не нашла. Частный сектор обеспечивает занятым более высокий уровень доходов в Эстонии и менее высокий в Литве. Бюджетный сектор экономики сохранял в 1992 году свои позиции только в Белоруссии — государству еще удавалось поддерживать доходы своих служащих на более высоком уровне, чем у работников хозрасчетных предприятий. То, что в странах Балтии в 1992 году этот феномен уже не наблюдался, свидетельствует в пользу гипотезы о более быстром их отходе от тоталитарной экономики. Недостаточно заметное преимущество частного сектора в Литве и

отсутствие такого преимущества в Латвии можно интерпретировать и как низкий уровень развития рыночных отношений в изучаемый период.

Гипотеза о влиянии поселенческой структуры на уровень доходов подтвердилась полностью. Тип населенного пункта имеет высокую статистическую значимость во всех четырех моделях ($p < .001$). Жители столиц везде, кроме Литвы, имеют более высокие доходы, чем жители прочих городов, и во всех рассматриваемых странах, кроме Эстонии, сельские жители имеют более низкие доходы, чем горожане. Эта закономерность — следствие неравенства возможностей жителей столиц и других населенных пунктов.

Доходы занятых в основных отраслях экономики сравнивались с доходами работников промышленности. Как и предполагалось, уровень доходов в сельском хозяйстве и гуманитарной сфере (образование, наука, культура) ниже, чем в промышленности, везде, кроме Латвии. В Белоруссии и Эстонии в таком же положении оказалась медицина, а в Литве и Латвии, вопреки гипотезе, — легкая промышленность. В Эстонии доходы работников государственного аппарата несколько выше, чем занятых в промышленности, а в Литве несколько ниже. Других статистически значимых отличий между уровнями доходов занятых в промышленности и в остальных сферах экономики не выявилось.

Таким образом, одна из главных наших гипотез не подтвердилась: промышленность не принадлежала в 1992 году к наименее конкурентоспособным отраслям экономики — во всех названных странах доходы занятых там находятся на среднем уровне, а в Литве даже на несколько более высоком, чем в других отраслях. Остальные гипотезы оказались достаточно обоснованными.

Выводы

Хорошая — до 20% — объясняющая способность моделей (см. табл. 3) свидетельствует о том, что доходы тридцатилетних в 1992 году были в значительной степени детерминированы рассмотренными демографическими и социально-экономическими факторами. В качестве общих для четырех стран закономерностей можно назвать значительное дифференцирующее влияние на доходы таких предикторов, как пол, тип населенного пункта, положение на рынке труда, вторичная занятость, профессиональный статус, отрасль экономики.

Дифференциация доходов по полу и типу поселения имеет место как при рыночной, так и при командной экономике, и переходный период, в этом смысле, не исключение.

Различия доходов по отраслям экономики объясняются условиями экономического кризиса и приоритетами государственной политики в переходный период, в значительной степени унаследованными от социалистического строя.

Влияние на доход двух из трех факторов адаптированности, свидетельствующее о возросшей роли личной предприимчивости и профессионального статуса, выразившееся в относительном повышении стоимости труда специалистов и относительном снижении стоимости труда рабочих, говорит о том, что к изучаемому периоду рыночные преобразования в рассматриваемых странах проявились на социальном уровне.

Однако различия в доходах занятых в частном и государственном секторах экономики не везде статистически значимы, а гипотеза об установлении рыночной цены образования в исследовании подтверждения не нашла. Это объясняется малой развитостью рыночных отношений в 1992 году. О том, что нарождающийся рынок имеет "дикий" характер, свидетельствует феномен высоких доходов у части безработных, отмеченный нами в Литве. В дальнейшем он получил широкое распространение во всех постсоветских странах.

Более высокая, по сравнению с Латвией и Белоруссией, эффективность частного сектора в Эстонии и Литве служит, на наш взгляд, аргументом в пользу того, что в 1992 году рыночные отношения там развивались быстрее. К тому же Литва — единственная из четырех стран, где характер связи доходов с образованием в некоторой степени соответствует теории человеческого капитала. Наконец, в Эстонии и Литве модели, построенные для проверки гипотез, отражающих представления о дифференциации доходов в рыночном обществе, имеют лучшую объясняющую способность (20% и 17%). Соответствие моделей теоретическим гипотезам говорит о соответствии эмпирических данных этой теории и, следовательно, о реальном проявлении рыночных отношений в странах, где данные были собраны.

В модели для Латвии не удалось выявить характерных особенностей. Наиболее важная особенность белорусской модели — отсутствие различий доходов в частном и хозрасчетном секторах экономики и большая, по сравнению с ними, "эффективность" бюджетного сектора, красноречиво свидетельствующая о сохранении традиций командной экономики на фоне некоторой либерализации экономической жизни. С учетом объясняющей способности моделей для этих стран (15% для Латвии и 13% для Белоруссии) можно заключить: Латвия по развитию рыночных отношений в сентябре 1992 года находилась между Белоруссией и "продвинутыми" Литвой и Эстонией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tuma N.V. Invoking RATE, 1992. (Manuscript).
2. Гордон Л.А. Четыре рода бедности // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 18-35.
3. Заславская Т.И. Доходы работающего населения России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 2. С. 5-12.
4. Социальная стратификация современного российского общества / Под ред. Л.А.Беляевой. М.: ЦКСИиМ, 1995.
5. Жизненные пути одного поколения / Под ред. М.Титмы. М.: Наука, 1992.
6. Беккер Г.С. Человеческий капитал (главы из книги) // США: Экономика, политика, идеология. 1993. № 11-12.
7. Event history analysis in life course research. / Ed. By K.U.Mayer and N.V. Tuma. Madison, Wis: University of Wisconsin Press, 1989.
8. Методический комментарий к разделу "Информация" // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 2. С. 95.
9. DeMaris A. Logit modeling: practical applications. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1992.
10. Hardy M. A. Regression with dummy variables. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1993.

11. Duncan O.D. A Socio-economic index for all occupations // Occupations and Social Status / Ed. by A.J.Reiss, Jr.. New York: Free Press, 1961. P.109-138.